

ЗВЕРЕВА Мария Максимовна – аспирант Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; maria.yazyunina@gmail.com)

СОЦИАЛЬНЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА В РАМКАХ СТРУКТУРНОГО КОНСТРУКТИВИЗМА И КУЛЬТУРНОГО АНТРОПОЛОГИЗМА

Аннотация. В настоящей статье представлен анализ теоретико-методологических подходов к изучению социально-экологических практик жителей города. Автор рассматривает классические представления о социальных практиках, описывает различные основания для классификации социальных практик, выделяет характеристики социально-экологических практик как самостоятельной сущности. В статье проводится анализ современных исследований социально-экологических практик, дается характеристика особенностей социально-экологических практик жителей города. Автор выявляет перспективы дальнейших исследований социально-экологических практик жителей города.

Ключевые слова: социальные практики, социально-экологические практики, жители города

Введение

Все большее число современных социологических исследований затрагивают вопросы социально-экологического характера. Это связано с тем, что все более отчетливыми становятся тенденции к нарастанию ряда противоречий, таких как, например, между объективной необходимостью во внедрении паттернов социально-экологического поведения и недостаточной их институционализацией, между негативными и позитивными социально-экологическими практиками и др. Результаты этого исследования могут внести вклад в построение целостного концептуального подхода к формированию социально-экологических практик и управлению ими. Особенную остроту исследованию социально-экологических практик придает городской срез, поскольку указанные противоречия нарастают преимущественно в городской среде.

Рассмотрение социально-экологических практик жителей города начнем с анализа социальных практик как результата и способа действия субъектов¹.

Социологическое осмысление социальных практик восходит к работам П. Бурдьё и К. Гирца. Именно благодаря их работам понятие социальных практик стало предметом самостоятельного изучения и вышло на первый план социологического теоретизирования середины XX столетия. Из числа зарубежных ученых, проводивших анализ социальных практик, можно выделить представителей различных социологических течений: феноменологического (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман), этнометодологического (Г. Гарфинкель), символично-интеракционистского (Э. Гофман), теории социального действия (М. Вебер, Т. Парсонс, Л. Витгенштейн), теории структурации (Э. Гидденс) и др. Из числа отечественных ученых можно выделить Т.И. Заславскую, И.Ф. Девятко, Л.Г. Ионина, Н.Н. Козловского, В.А. Лукова, представителей современного направления исследований социальных практик, которое в настоящий момент активно развивается в Европейском университете в Санкт-

¹ Социальные практики. – *Социология молодежи: электронная энциклопедия* (под ред. В.А. Лукова). Доступ: <http://soc-mol.ru/encyclopaedia/theories/96-soc-praktiki.html> (проверено 07.06.2023)

Петербурге под руководством В.В. Волкова, О.В. Хахордина и др. [Антонова 2009; Волкова 2018; Шугальский 2012].

В настоящей статье остановимся более подробно на двух основных теориях, которые способствовали концептуализации понятия социальных практик: структуралистском конструктивизме П. Бурдьё и культурном антропологизме К. Гирца.

Социальные практики: классические представления

Социальные практики в представлении П. Бурдьё — это то, что в теоретическом аспекте позволяет отойти от абсолютизации дихотомии объективного и субъективного, а в практическом — охарактеризовать специфическое событие социального мира. Любое социальное событие является результатом деятельности социальных агентов, производным от изменения социального мира, однако социальную практику отличает сложность ее концептуализации. В послесловии к русскому изданию книги П. Бурдьё «Практический смысл» была выделена следующая идея: социальные практики представляют собой некий устойчивый, представляющий некую опривыченную, обусловленную габитусом сущность, но в то же время текучий конструкт, компоненты которого восприимчивы по отношению друг к другу. Социальные практики производятся социальным агентом в рамках объективных и субъективных структур: они всегда чем-то обусловлены и всегда что-то обуславливают. Вдобавок к этому социальные практики — это то, что позволяет проводить социальное различие: «когда агент что-либо совершает, он отличает себя от предмета своей практики; то, что и как он производит, отличает его предмет деятельности от других; его способ и манера действия отличается от характеристик других агентов» [Бурдьё 2001].

Согласно теории К. Гирца, социальные практики — это ключ к пониманию культуры, которая, по сути, составляет их совокупность. Культура как некая символическая система состоит из реальных событий (практик), согласованных между собой. Интерпретация смыслов этих событий, их предпосылок и результатов позволяет судить о социальной организации и интеграции [Гирц 2004]. Как уже было сказано ранее, данные подходы не исчерпывают багаж социологических знаний о природе и сущности социальных практик, однако они представляют собой основу основ, с опорой на которую упомянутый багаж знаний постоянно расширяется и пополняется.

В социологической литературе насчитывается не менее 10 критериев для разделения социальных практик: по актору (индивидуальные и групповые), по степени формализации социальных практик (формализованные и неформализованные), по уровню формализации норм как детерминантов практик (формальные и неформальные), по ориентации (ориентированные на будущее, на прошлое и на настоящее), по степени активности акторов социальных практик (пассивные и активные), по наличию риска (рисковые и безопасные), по социальной эффективности и успешности (эффективные/успешные и неэффективные/неуспешные), по длительности воспроизводства практики (традиционные и современные), по сферам (правовые, образовательные и др.), по статусно-ролевой позиции акторов (соответствующие или не соответствующие позиции).

Социально-экологические практики как вид социальных практик

Социально-экологические практики жителей города, выступающие предметом теоретического исследования, могут быть охарактеризованы с точки зрения практически всех перечисленных критериев. Реализация социально-экологических практик городскими жителями предполагает групповой фор-

мат, наличие формализации по своей сути и предпосылкам, ориентацию на настоящее/будущее, активность участия, безопасность, определенную степень эффективности и успешности, определенную длительность воспроизводства, самостоятельность сферы.

Для уточнения соответствия этим критериям проведем анализ понятия «социально-экологические практики жителей города». По М.В. Рыбаковой, социально-экологические практики включают в себя «ценности экологической культуры, действия, опыт, навыки, научное знание о природе, обществе и экономике» [Рыбакова 2012а; Рыбакова, Зверева 2022]. Таким образом, структурно социально-экологические практики представляют набор взаимосвязанных компонентов когнитивного, ценностно-мотивационного и поведенческого (эмоционально-деятельностного) характера, отражающих состояние конкретного аспекта общественных отношений, основанного на взаимовлиянии природной, искусственной и социокультурной сред [Рыбакова 2012б].

Современные исследования социально-экологических практик

Формирование социально-экологических практик – сложный процесс преобразования знаний и ценностей в норму, а из нормы – в привычку. Данный подход к изучению социально-экологических практик широко рассматривается в таких теориях, как теория активации нормы, теория «ценности-убеждения-нормы», теория самовосприятия, теория «установки-поведение-контекст» [Ермолаева, Ермолаева 2019]. Рассмотрим данные теории подробнее, предварительно оговорившись, что данные теории составляют единый исследовательский стрим, основой для выделения которого послужил ранее упомянутый синтез классических теорий. В анализируемых нами исследованиях рассматриваются схожие компоненты: установки, ценности, поведение субъектов и соотношение этих категорий с социокультурными нормами и ожиданиями. Отличие заключается в том, что доминирующее влияние отводится какому-то одному из перечисленных компонентов, однако это не является недостатком – скорее наоборот, возможностью для конструирования синтезированного подхода к анализу указанных теорий.

Теория активации нормы Ш. Шварца свидетельствует о превращении экологической установки в экологическую практику под влиянием факторов безопасности экологическими проблемами, личной причастности к ее возникновению и осознания своих возможностей изменить ситуацию. Каждый этап процесса формирования социально-экологических практик не является строго индивидуализированным. Ценности, установки, экологическое сознание как совокупность вышеперечисленных факторов (по О.Н. Яницкому [Яницкий]), поведение как набор устойчивых и воспроизводимых практик складываются под влиянием социальных норм, ожиданий и других экологически ориентированных факторов социального характера. Кроме того, влияние оказывают факторы нормативно-правового, инфраструктурного, материального (преимущественно финансового) плана. Совокупное влияние этих факторов представлено в выражении социального интереса, социальной потребности в благополучной окружающей среде, которое интернализировано и экстернализировано (активировано в качестве нормы) индивидом в виде конкретной ценностной установки и поведенческой модели [Schwartz 1997].

Если теория активации нормы говорит о том, что определенная индивидуальная норма формируется по некоторому социальному заказу, то *теория «ценности-убеждения-нормы»* исходит из четкого разграничения социальных диспозиций, а именно биосферических, альтруистических, эгоистических. В комплексе

они становятся отправной точкой для формирования экологического кругозора, который, в свою очередь, преобразуется в осознание экологических последствий для ценных объектов и способности уменьшить вредное воздействие на окружающую среду. В зависимости от того, какая установка изначально занимала доминирующее положение, складываются следующие поведенческие стратегии: активные/ неактивные поведенческие практики в общественной среде, выражающиеся, соответственно, в активных или пассивных формах участия в социально-экологической жизни; инвайронментализм в частной сфере, который, в свою очередь, релевантен, только если речь идет о коллективном действии; проэкологическое поведение на организационном уровне (например, зеленое производство) [Stern 2000]. Таким образом, основное внимание в данной теории уделяется намерению действовать, исходящему от определенной диспозиции. Об этом также говорится в теории запланированного поведения, которая фактически сочетает в себе тезисы обозначенных выше теорий: сформированное установками поведенческое намерение несет в себе отпечаток социальных норм, ожиданий и механизмов социального контроля [Ajzen 1991].

Следующей теорией, о которой пойдет речь, является *теория самовосприятия*, согласно которой субъекты конструируют свои экологические установки исходя из прошлого опыта участия в экологических практиках. Данная теория подчеркивает сложность измерения экологических установок: однократно совершенное экологическое действие может восприниматься субъектом как сформированная экологическая установка, которая может быть не воплощена в дальнейших поведенческих стратегиях, а многократные действия – как устоявшаяся повседневная практика, не воспринимаемая с точки зрения экологии. Такая неоднозначность связана с самооценкой экологической установки, которая зависит от скорости вспоминания о реализации экологической практики, уровня осознанности подоплеку действия, которое можно рассматривать в качестве экологического, и по ряду других причин, не связанных с экологией [Vem 1972].

Еще одним современным теоретическим подходом к изучению социально-экологических практик является *теория «установки-поведение-контекст»*. В рамках данной модели выстраивается многофакторная модель социально-экологического поведения, которую можно коротко охарактеризовать следующим образом: социально-экологическое поведение является продуктом взаимодействия личностной системы экологических установок и набора контекстуальных факторов, располагающих или не располагающих к реализации экологических практик. Помимо внутренних (личностных) и внешних (контекстуальных) факторов, в составе модели присутствуют факторы неэкологического характера, а именно индивидуальные возможности и сформированность привычки / рутинизированность действия. Согласно данной теории, чем сильнее влияние одного фактора, тем слабее влияние другого [Stern et al. 1999].

Указанные теории могут применяться к специфике городской жизни, о чем будет сказано далее.

Специфика социально-экологических практик жителей города

Современная теоретическая и эмпирическая база социологии города позволяет говорить, что город представляет собой специфическое образование, набор характеристик которого очень широк и разнообразен, в результате чего складывается особая городская идентичность. Именно с ней связывается возникновение ряда проблем городского жителя [Barkan 2020]. Особенно остро ставится вопрос социально-экологического существования человека в городе, т.к. город-

ского жителя, по Р. Парку [Парк 2011] и Э. Берджессу [Берджесс 2015], отличается отход от природной среды, что в значительной степени искажает основные сферы его бытия. Деятельность человека наносит тяжкий урон экологии, а негативные изменения в экологической ситуации сказываются на качестве жизни горожан, ухудшают социально-психологическое самочувствие индивида. Таким образом, ухудшение качества городской среды приводит к значительному снижению уровня комфортности проживания городского населения [Бобров 2011].

В этой связи особенную актуальность приобретает вопрос формирования социально-экологических установок у городского населения и их последующего преобразования в социально-экологические практики. Действительно, в соответствии с рассмотренными выше теориями этот процесс во многом зависит от набора контекстуальных факторов, к числу которых относятся совершенствование нормативно-правовой базы, проведение организационных мероприятий, информационная работа. Это в совокупности влияет на степень удовлетворенности городских жителей экологической обстановкой [Рыбакова, Зверева 2022] и, следовательно, в некоторой степени определяет их установки на реализацию социально-экологических поведенческих стратегий путем внедрения соответствующих практик в повседневную жизнь.

Выводы и обсуждение

В данной статье рассматриваются классические теории социальных практик и современные исследования социально-экологических практик как отдельного вида социальных практик. В рассмотренных теориях анализируются схожие компоненты: установки, ценности, поведение субъектов и соотношение этих категорий с социальными нормами и ожиданиями. Отличие данных теорий заключается в смещении фокуса внимания с одной переменной на другую, через которую происходит объяснение сложных процессов экологического поведения субъекта.

Анализ перечисленных теорий показывает, что социально-экологические практики имеют обширный потенциал для дальнейших исследований, предмет которых будет дополняться в зависимости от меняющихся контекстуальных условий, появления новых механизмов формирования социальных и индивидуальных установок и ценностей, а также роста разнообразия социально-экологических практик и их зависимости от специфики социальной группы, их реализующей.

Список литературы

Антонова Н.Л. 2009. Социальная практика как предмет социологического анализа. — *Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования*: материалы XII международной конференции. Екатеринбург. С. 42-45.

Берджесс Э.У. 2015. Рост города. Введение в исследовательский проект. — *Чикагская школа социологии: сборник переводов* (сост. и пер. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко). М.: Изд-во ИНИОН РАН. С. 20-34.

Бобров Е.А. 2011. Социально-экологические проблемы крупных городов и пути их решения. — *Научные ведомости БелГУ. Сер. Естественные науки*. № 15(110). С. 199-208.

Бурдые П. 2001. *Практический смысл* (пер. с фр. А.Т. Бикбова, К.Д. Вознесенской, С.Н. Зенкина, Н.А. Шматко; отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко). СПб: Алетейя. 562 с.

Волкова И.А. 2018. Социальные практики: теоретические аспекты. — *Научный альманах*. № 10-3(48). С. 155-158.

- Гирц К. 2004. *Интерпретация культур* (пер. с англ.). М.: РОССПЭН. 560 с.
- Ермолаева П.О., Ермолаева Ю.В. 2019. Критический анализ зарубежных теорий экологического поведения. — *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 4(152). С. 323-346.
- Парк Р. 2011. Избранные очерки. — *Чикагская школа социологии: сборник переводов* (сост. и пер. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко). М.: Изд-во ИНИОН РАН. С. 20-34.
- Рыбакова М.В. 2012а. *Социальные экологические практики: состояние и механизмы управления: монография*. М.: Университетская книга. 318 с.
- Рыбакова М.В. 2012б. Социальные экологические практики как условие модернизации России. — *Социально-гуманитарные знания*. № 2. С. 273-279.
- Рыбакова М.В., Зверева М.М. 2022. Экологическая обстановка в Москве: оценка динамики общественного мнения по результатам опросов 2013–2022 гг. — *Власть*. Т. 30. № 5. С. 156-162.
- Шугальский С.С. 2012. Социальные практики: интерпретация понятия. — *Знание. Понимание. Умение*. № 2. С. 276-280.
- Яницкий О.Н. Экологическая социология. — *ЭСМ: Федеральный образовательный портал Лукова*. Доступ: <http://ecsocman.hse.ru/data/998/698/1219/023Glava20.pdf>
- Ajzen I. 1991. The Theory of Planned Behavior. — *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. Vol. 50. No. 2. P. 179-211.
- Barkan S.E. 2020. *Social Problems: Continuity and Change*. Faculty and Staff Monograph Publications. 300 p.
- Bem D.J. 1972. Self-Perception Theory. — *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 6. No. 4. P. 1-62.
- Schwartz S. H. 1997. Normative Influences on Altruism. — *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 10. No. 1. P. 221-279.
- Stern P.C. 2000. New Environmental Theories: toward a Coherent Theory of Environmentally Significant Behavior. — *Journal of Social Issues*. Vol. 56. No. 3. P. 407-424.
- Stern P.C., Dietz T., Abel T., Guagnano G. A., Kalof L. 1999. A Value-Belief-Norm Theory of Support for Social Movements: The Case of Environmentalism. — *Human Ecology Review*. Vol. 6. No. 2. P. 81-98.

ZVEREVA Maria Maksimovna, postgraduate student at the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; maria.yazynina@gmail.com)

SOCIO-ECOLOGICAL PRACTICES OF CITY-DWELLERS WITHIN THE FRAMEWORK OF STRUCTURAL CONSTRUCTIVISM AND CULTURAL ANTHROPOLOGISM

Abstract. The article presents an analysis of theoretical and methodological approaches to the study of socio-ecological practices of city residents. The author considers classical ideas about social practices, and describes various grounds for classifying them. The paper highlights the characteristics of socio-ecological practices as an independent entity, and analyzes modern studies of socio-ecological practices. The author gives characteristics of the socio-ecological practices of the city residents, and reveals the prospects for further research of socio-ecological practices of city residents.

Keywords: social practices, socio-ecological practices, city-dwellers